

Ирина
Памгикова

САШКИНЫ РАССКАЗЫ

Когда-то, когда город был другим – утопающим в зелени, с говорливыми арыками, не похожим на сегодняшний, изрядно польсевший и устремившийся ввысь сверкающими башнями, можно было запросто увидеть где-нибудь в уютном дворике щиплющую травку козу или купающихся в пыли кур. Никого в Алма-Ате тех времен это не удивляло. На месте нынешнего Аксая были кукурузные поля, а выше улицы Джандосова – колхозные яблоневые сады, куда местные жители без зазрения совести шастали за душистыми плодами, невзирая на бдительного обходчика. И было это не так давно – в 60-х годах прошлого столетия. Впрочем, давно – полвека все же. А вроде как вчера... Хотя для любого сегодняшнего пацана, как и для меня тогда, «через полвека» это – может быть, когда-нибудь, в необозримом будущем, а может, и вовсе никогда. А жизнь, как оказалось, пролетает очень быстро, оттого-то так дороги воспоминания детства, связанные с милыми сердцу местами...

АРТИСТ ПЕТЬКА

Проходя недавно мимо детской больницы, что на углу улиц Манаса и Бухар Жырау (а раньше – Чапаева и Ботанического бульвара), я вспомнил, как тогда, полвека назад, возвращаясь из детской поликлиники, услышал слабый писк и заметил, как в траве что-то копошится. Раздвинув заросли, увидел маленького, еле живого желтенького цыпленка. Он вытягивал тощую шейку и почти не открывал глаз. Видимо, уже потерял всякую надежду на спасение. Бережно взяв в руки пушистика, я помчался домой.

Цыпленок выжил. Я выкармливал его сначала мелко нарубленными вареными яйцами, размоченным хлебом, потом дождевыми червями и сырым мясом. Не прошло и года, как несчастный заморыш превратился в огромного белоснежного петуха с налитым кровью роскошным гребнем и такой же бородкой. Звали его Петькой.

Вид у него был гордый, независимый и весьма грозный, благодаря огромным шпорам и орлиному взору. На рассвете вся округа просыпалась от петушиной побудки. С утра пораньше важно выходил он из сараюшки (такие были у всех жильцов каркасно-камышитовых восьмиквартирных домов, что и по сей день стоят на улице Розыбакиева), вытягиваясь на цыпочках и хлопая огромными

крыльями, издавал зычное «ку-ка-ре-ку!» и обходил дозором свои владения. А владения эти, то есть придомовой участок, были огорожены невысоким штакетником, обсаженным кустарником. Прохаживаясь неспешно, разрывая землю в поисках червяков или присаживаясь на завалинке, Петька все время держал в поле зрения тротуарчик, что проходил за зеленой изгородью. Мужчины или группы людей его не интересовали. Но стоило появиться одинокой женщине, Петька преобразался: круглый глаз его мгновенно загорался диким огнем, он пригибался за кустарником и так, на полусогнутых, вытянувшись в струну параллельно земле, бесшумно крался вдоль дорожки. Ничего не подозревающая женщина шла с одной стороны кустов, петух – с другой, вровень с ней. Дойдя до конца изгороди, Петька внезапно подскакивал как на пружине и, хлопая крыльями, с победным криком приземлялся на голову опешившей женщине!

Описать, как была испугана несчастная коварным нападением неизвестно кого, не хватит никаких слов. У каждой пострадавшей была своя неповторимая реакция, но все без исключения визжали до истерики, махали руками, пытались сдернуть с головы что-то вцепившееся и бьющее крыльями. Освободившись от монстра, женщины в панике и слезах, с растрепанными прическами убегали прочь. Спектакль был, что надо. Его мы с моим братишкой наблюдали каждое утро с безопасного расстояния – из кухонного окна со второго этажа. Смялись так, что, держась за животы, падали с подоконника на пол.

Петух, словно понимая, что доставляет глупым мальчишкам удовольствие своим непотребным поведением, гордо прохаживался некоторое время после нападения под окном туда-сюда как по сцене, словно оценивая произведенное впечатление. Несколько раз победно кукарекал, хлопал крыльями и успокаивался, остаток дня занимаясь обычными петушинными делами.

Артистическая карьера петуха закончилась в то злополучное утро, когда Петька выбрал не ту «жертву». Ею оказалась жена нашего участкового дяди Степана. Это была дородная женщина с высоко взбитой шевелюрой соломенного цвета. За эту прическу, походившую на стог сена, местная ребятня прозвала ее Соломой. Но никто и не догадывался, что причудливый шиньон на голове жены нашего участкового скрывал некий женский секрет. В тот миг, когда Петька, по своему обыкновению, выскочил из-за кустов и с победным криком приземлился на Солому, бедная женщина была так напугана, что в истерике сорвала с головы вместе с коварным петухом... все свои волосы.

Мы с братишкой, удобно устроившись на подоконнике, по обыкновению были зрителями очередного спектакля с участием нашего храброго Петьки. Не знали мы, что это представление будет его последним героическим выходом...

Весть о том, что жена участкового под копной на голове скрывала лысину, мгновенно облетела весь район. Сарафанное радио и агентство ОБС (одна баба сказала) сообщали невероятные подробности утреннего инцидента, обрастающего все новыми деталями. Одна всезнающая соседка, обаянная инстинктом передачи информации, сообщала, что самолично видела, как Солома в панике убегала от петуха с мокрым подолом и клочками волос в руках.

Дабы реабилитировать опозоренную супругу, вечером к нам наведалься дядя Степан. О чем говорил он с родителями, осталось тайной. Но, проснувшись на следующее утро, мы не нашли своего любимца на месте. Отец, пряча глаза, сказал, что Петьку пришлось продать, но с твердым условием, что не пойдет

славный петух на лапшу, а будет доживать свой век атаманом среди кур на птичьем дворе.

Так закончилась эта история, начавшаяся полвека назад на углу славных улиц Чапаева и Ботанический бульвар. За всю жизнь у нас кто только не жил: и заблудившийся ежик, и спасенный от стаи жестоких мальчишек вороненок, и множество кошек и собак, и голуби. О каждом из питомцев можно много рассказать. Но Петька в этой когорте стоит особняком: не по-птичьему дерзкий у него был характер и яркая артистическая натура. За то и поплатился.

СМЫШЛЕННЫЙ ГРИША

Обитала в наших дворах среди двухэтажек, палисадников и деревянных сарайчиков этакая банда, которую все побаивались и лишний раз старались на глаза ей не показываться. От этих пацанов разбежались местные кошки и собаки, так как знали, что ничего хорошего ждать не приходится: пинок или камень вслед – еще самое безобидное. Ходили слухи, что эти живодеры могли заживо замучить кошку. А меткость они набивали, стреляя из рогаток по всему живому. Предводительствовал у них верзила-переросток Глеб, славившийся своей жестокостью и жадностью. Видно, не найдя достойного места среди сверстников, решил он самоутвердиться в среде малолетней шпаны. И преуспел в этом. Хотя и кончил свои дни плохо – на зоне. Но рассказ не о том.

Так вот, как-то раз, проходя по задворкам, услышал я возню и глумливый хохот. Подкравшись, решил посмотреть из-за кустов, в чем там дело. На досках забора был распят вороненок, которого члены глебовской банды по очереди расстреливали из рогаток. Каждый меткий выстрел вызывал взрыв одобрительного гогота, а хриплые вскрики птицы никого из живодеров не трогали. Мне стало так жалко вороненка, что, не задумываясь, я шагнул из кустов к забору.

- Чего надо? – угрожающе насупился Глеб, а его подручные окружили меня.
- Отдай вороненка, – я прямо посмотрел в глаза предводителю.
- Отда-а-ать?... Ишь, какой шустрый!... – загоготал верзила.
- Ну, не хочешь так отдать, давай меняться, – предложил я, поняв, что можно сыграть на жадности Глеба.
- Меняться?... А что у тебя есть-то, мелюзга? – глаза его заинтересованно сверкнули.

Я нащупал в кармане перочинный нож, накануне подаренный мне младшим братом Андрейкой. Это складное чудо было необычайно красиво: перламутровая ручка, отполированное острое лезвие и еще несколько всяких скрытых полезных приспособлений радовали глаз и руку, куда он удобно ложился. Андрейка, по правде сказать, стащил этот ножик в ближайшем хозяйственном магазине, не утерпев от вида такой красоты. Он просто взял его с витрины и спрятал в синих сатиновых трусах, заменявших в те времена ребятам шорты. Кармана в них не было, и ножик пришлось приладить прямо на голом теле под трусами. Причем, он как был полуоткрытым на витрине, так незашелкнутым и перекочевал в трусы – шуметь-то было никак нельзя. Продавщица вмиг бы услышала!

Всю дорогу домой Андрейка, по его сбивчивому рассказу, боялся, как бы складшочек не сложился и не оттяпал, чего не надо. Но Бог миловал, и братишка

благополучно в целостности и сохранности прибежал домой. А уж затем, вдоволь наигравшись и насмотревшись на свой трофей, великодушно задарил его мне. Я, конечно, пришел в полный восторг – какой же пацан не любит и не вожделеет холодного оружия, да еще такого красивого!..

Этот-то краденый ножичек и ласкал в тот момент ладонь в моем кармане.

Без колебаний я вынул его и протянул в раскрытой руке Глебу.

– Знатный ножичек... – протянул он. – А не пожалеешь – менять на такую дохлятину?

Я сделал вид, что хочу убрать складешок обратно в карман.

– Заметано! – заспешил Глеб. – По рукам! Забирай свою падаль.

Я поспешно и без сожаления передал нож в руки предводителя, вокруг которого тут же сгрудились малолетние живодеры и принялись с восхищением, прицокивая, рассматривать перламутровое чудо. К полумертвому вороненку они потеряли всякий интерес. На меня также никто не обращал внимания, и, быстро освободив несчастного птенца, я помчался со всех ног домой, бережно прижимая его к груди...

Удивительно, но вороненок выжил. Я выхаживал его, как мог, не надеясь впрочем, на положительный исход – так он был плох. Но свершилось чудо, и в нашей квартире появился еще один обитатель – ворон Гриша, красавец, каких поискать: черное, с синим отливом перо, крупный клюв, умные и внимательные глаза. Он был любимцем всей семьи. И хотя порой доставлял немалые неудобства, сердились на него только понарошку. К примеру, когда мы с отцом в своей мальчишеской комнате ремонтировали мотоцикл, Гриша «помогал» нам, пряча гаечки и винтики, а мы, наигранно ругаясь, разыскивали запчасти по всем углам. А еще как-то раз он решил сделать нам «сюрприз», напихав в радиатор кусочки сырого мяса, которым мы его кормили. Вот уж сбились мы с ног, отыскивая, откуда идет запах падали, пока не нашли Гришкину заначку.

Когда ворон стал совсем взрослым, мы стали всячески пытаться пристроить его в стаю сородичей. Ежедневно из открытого окна он наблюдал за воронами, рассевающимися на деревьях неподалеку, и переговаривался с ними. Мы пытались заставить нашего воспитанника лететь к ним, но напрасно. По прошествии нескольких дней, видимо договорившись с соплеменниками, Гриша стал сам ненадолго подлетать к ним и проводить некоторое время, сидя на ветвях тополя, а затем стал совершать полеты с вороньей стаей, все более и более продолжительные. После, налетавшись, возвращался домой поесть и пообщаться. Все-таки мы были его семьей.

В один прекрасный, но грустный день Гриша улетел со своими сородичами и больше не вернулся к нам.

ДОБЫТЧИЦА ЛАДА

В те времена многие увлекались служебным собаководством. А уж нам-то, жившим вблизи ДОСААФ, где была отличная дрессировочная площадка, так и вовсе грех было не завести собаку служебной породы. Это была Лада – восточно-европейская овчарка отличных кровей, необыкновенного ума, красоты и послушания. Содержание собаки полностью ложилось на наши с младшим

братом плечи: выгул, амуниция, дрессировка, лечение, кормление. А так как я держал еще и голубятню, требовавшую хоть и небольшие, но все же средства на покупку зерна, то приходилось решать и эти проблемы.

Мы с Андрейкой нашли честный и необременительный способ зарабатывания денег. Причем, привлекли к этому нашу превосходно отдрессированную овчарку Ладу. Так как она отлично усвоила команду «апорт» в сочетании с указывающим жестом, мы стали совершать с нею по вечерам прогулки на аллее проспекта Гагарина, где по обе стороны, особенно в теплое время года, уютно располагались компании с целью принять на грудь после трудного рабочего дня. Что нам нужно было от этих компаний? Пустые бутылки из-под водки, вина или пива, которые во множестве оставались от посиделок подвыпивших компаний.

Это сейчас смешно и непонятно, чем может быть полезна обычная стеклянная тара. А во времена нашего детства такая бутылка стоила двенадцать копеек. Для сравнения: булка белого хлеба стоила двадцать копеек, серого – шестнадцать. Но нужно было еще умудриться сдать собранное. При любом продовольственном магазине существовал пункт приема бутылок. Был такой и при нашем гастрономе «Луч». Но на закрытом окошке ларька почти всегда красовалась табличка с лаконичной надписью «нет тары», то есть подразумевалось, что специальных ящиков для сбора бутылок в наличии нет. Но, обойдя кругом, можно было попасть в заднюю дверь, где в полутьме найти заспанного приемщика Семеныча в синем замусоленном халате и сбить ему всю добычу оптом по десять копеек за штуку. Вот уже и рубль-два, а то и три в кармане: хватит на корм собакам и голубям, что покупался на Никольском рынке, еще и на лимонад или мороженое останется.

Собираясь прогуляться на аллею, мы с братишкой брали по сетке-авоське и кликали за собой собаку. Лада бежала чуть впереди, все время держа нас в поле зрения. Мы, как только видели пустую бутылку, давали команду «апорт», показывая направление рукой, и Лада приносила добычу в зубах. Иной раз не надо было даже и говорить – приученная собака сама без команды знала, что делать.

Как-то раз вышла смешная история. Хотя смех был для нас, а для кого-то – настоящая трагедия. Компания выпивох только-только расположилась на плоском валуне посреди зеленой травки: открыли банку кильки, разложили соленые огурчики, нарезали черный хлебушек, расставили стаканы, откупорили бутылку водки – в общем, натюрморт. Троица притихла в предвкушении закуски и выпивки. И вдруг, как молния промелькнула: что-то большое и лохматое в прыжке хватает бутылку и скрывается из виду! Мы с братишкой не успели и глазом моргнуть, как Лада стояла перед нами, виляя хвостом, с полупустой уже тарой в зубах...

Только быстрые мальчишеские ноги и собачьи лапы спасли нас тогда от яростной погони – серьезно навалить могли и за меньшее. А тут... Устроить, хоть и нечаянно, такой облом жаждущим выпить! Понять этакое горе могут только мужики...

Ладу мы, конечно, ругать не стали. Она бы в своем служебном рвении все одно не поняла разницу между пустой и полной бутылкой.

